
КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192
УДК 821.161.1

«Германия и мир»: Интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович

© 2020, А.Ф. Строев

Аннотация: Статья посвящена интервью, данному Д.С. Мережковским осенью 1915 г. французской журналистке и писательнице феминистского толка Марили Маркович (1866–1926, настоящее имя Амели Нери). Встреча состоялась в период пребывания Маркович в России в качестве специального корреспондента “Le Petit journal” и журнала “Revue des Deux Mondes”, однако, в отличие от других публикаций Маркович, интервью с Мережковским вышло с большим опозданием, лишь 22 января 1916 г. Автор статьи анализирует прямой диалог писателя и журналистки с цензурой, в ходе которого Маркович удается, однако, донести до французского читателя позицию русской либеральной интеллигенции. Маркович представляет Мережковского не просто как знаменитого автора, хорошо известного во Франции, но как пророка, цитируя в первой части интервью его статью «Железо под молотом». Оригинальный текст интервью на французском языке полностью приведен в статье с приложением перевода. Публикатор реконструирует подтекст интервью, в создании которого играет роль, в частности, сознательная установка Маркович и Мережковского на театрализацию диалога.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, М. Маркович, либеральная интеллигенция, пангерманизм, панславизм, Первая мировая война.

Информация об авторе: Александр Федорович Строев, д.ф.н., профессор, Университет Новая Сорбонна — Париж 3, Париж, Франция. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Цитирование: *Строев А.Ф.* «Германия и мир»: Интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 175–192. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192

Марили Маркович (1866–1926, настоящее имя Амели Нери, подписывала свои сочинения Амели де Нери) — журналистка и писательница, убежденная феминистка¹. В юности жила несколько лет в Алжире. Преподавала литературу. Дважды была замужем, дважды овдовела. Второй супруг — инженер Эдуард Маркович Бенуа (свадьбу сыграли в 1896 г.), русский по происхождению. Марили Маркович сопровождала его в поездках в Персию и в арабские страны. Писала статьи о положении женщин на мусульманском Востоке, на Балканах и в Европе, пьесы для детского театра, издала роман о монастырском воспитании девушек. Вела активную анти-алкогольную пропаганду.

В начале Первой мировой войны Маркович печатала свои патриотические стихи в виде почтовых открыток с подобающими иллюстрациями и продавала их в пользу солдат. Летом 1915 г. вдова 49 лет оставила 17-летнего сына (через два года он уйдет на войну) и, видимо, благодаря знанию русского языка добилась того, чтобы ее отправили в Россию специальным корреспондентом газеты “Le Petit journal” (тираж в 1914 г. около 850 000 экземпляров) и журнала “Revue des Deux Mondes”. В газету она посылала заметки (они печатались на первой и второй полосах через одну-две недели, как только приходила почта), а в “Revue des Deux Mondes” — подробные репортажи с претензией на литературность (они появлялись через несколько месяцев после описываемых событий).

В июне 1915 г., проехав через Англию и нейтральную Швецию, Марили Маркович прибыла в Петроград, привезя с собой целые пачки открыток, которые она, видимо, раздавала как визитные карточки. В Швеции она взяла интервью у нобелевской лауреатки Сельмы Лагерлёф (не забыв и ей подарить открытки)². Газета и журнал были консервативного толка, что создавало Маркович хорошую репутацию в официальных кругах. На фронт иностранных корреспондентов, а тем более женщин, не очень пускали. Однако в ноябре 1915 г. журналистка сумела встретиться в военном госпитале в Царском Селе с императрицей Александрой Федоровной и ее дочерьми и получила дозволение

¹ *Markovitch M.* La Révolution russe vue par une Française / Ed. Olivier Cariguel. Paris, 2017; *Guillemot C.* Marylie Markovitch, poétesse et reporter de guerre // Le Blog Gallica. Les femmes et la presse. URL: <https://gallica.bnf.fr/blog/03102019/marylie-markovitch-poetesse-et-reporter-de-guerre?mode=desktop> (дата обращения: 14.01.2020). Сердечно благодарю Е.А. Андрущенко за помощь при подготовке статьи.

² *Markovitch M.* Le sphinx suédois. Une visite à Mme Selma Lagerlöf. Lettre ouverte à Mme Daniel-Lesueur // La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1915, 26 juin. P. 15–16.

отправиться на фронт в санитарном поезде в качестве сестры милосердия, о чем написала и в газете, и в журнале³.

Как следует из беседы с Мережковским, Маркович намеревалась провести в России зиму 1915 – 1916 гг., однако осталась на два года, ибо находилась в гуще событий. Летом 1916 г. она заболела, лечилась в Крыму по приглашению императрицы (репортаж «Из траншей в рай русской Ривьеры. Июнь-сентябрь 1916 г.»⁴). В декабре ее оперировали в госпитале в Царском Селе. Пять репортажей-хроник из Петрограда «Сцены русской революции» вышли в “*Revue des Deux Mondes*” в мае-ноябре 1917 г. В конце августа или начале сентября 1917 она вернулась во Францию тем же путем, через Швецию и Англию, и стала готовить книгу на основе первых четырех репортажей. В октябре снова разболелась. Книга «Русская революция глазами француженки» вышла в январе 1918 г. Последние годы она лечилась, получала более чем скромное пособие от Общества литераторов и тихо угасла в январе 1926 г.

В России французская журналистка завязала знакомства не только при дворе, но и среди либеральной интеллигенции. Она посещала политических деятелей, октябристов, прогрессистов, кадетов и трудовиков. Летом и в начале осени 1915 г. она дважды беседовала с А.Ф. Керенским⁵, встречалась с П.Н. Милюковым⁶, но смогла написать об этом только в 1917 г. И тогда же напечатала в газете давнее интервью Керенского (к нему мы еще вернемся) и новое, П.Н. Милюкова, ставшего Министром иностранных дел⁷. В 1916 г. Маркович взяла интервью у М.В. Родзянко, председателя Государственной Думы (этот материал поместили сразу⁸), и, предсмертное, у профессора социологии и депутата Думы М.М. Ко-

³ *Markovitch M.* L'impératrice de Russie reçoit l'envoyé du “Petit Journal” // *Petit Journal*. 1915, 29 novembre. P. 1–2 ; *Markovitch M.* Tableaux du front russe. Du front russe de Galicie. Décembre 1915 // *Revue des deux mondes*. 1916, 1 mars. P. 36–64 ; *Markovitch M.* L'impératrice en voile blanche. Tsarskoïe Sélo et les hôpitaux de Sa Majesté Alexandra Feodorovna // *Revue des deux mondes*, 1916, 1 avril. P. 556–583.

⁴ *Markovitch M.* Des tranchées aux paradis de la Riviera russe // *Revue des deux mondes*. 1917, 15 mars. P. 418–456. Журналистка описывает, в числе прочего, беседу с Генриком Сенкевичем, племянником писателя.

⁵ *Markovitch M.* Une semaine de révolution à Petrograd // *Revue des deux mondes*. 1917, 15 mai. P. 441–442.

⁶ *Markovitch M.* Lendemain de révolution à Petrograd // *Revue des deux mondes*. 1917, 1 juillet. P. 202.

⁷ *Markovitch M.* “Nous apportons à la guerre des forces nouvelles”, déclare à notre envoyé spécial ministre russe des affaires étrangères // *Le Petit Journal*. 1917, 17 avril. P. 1–2.

⁸ *Markovitch M.* M. Rodzianko, président de la Duma, affirme sa foi dans la victoire finale // *Le Petit Journal*. 1916. P. 1.

валевского, много лет жившего во Франции, давнего знакомого Д. Мережковского.

Газетные заметки и, в меньшей степени, репортажи М. Маркович ура-патриотичны, патетичны, а при описании царской семьи — подобострастны. Они должны были удовлетворять гражданскую и военную цензуру, редакции, французские и русские власти. После Февральской революции слог меняется, делается более откровенным: журналистка пишет о промахах и недостатках царя, об энтузиазме и жестокостях революционных толп. Конечно, все симпатии ее на стороне тех, кто хочет вести войну до победного конца, в первую очередь Керенского. Ленина она описывает с убийственной иронией.

Маркович встретила с Мережковским и Гиппиус осенью, скорее всего в конце сентября или начале октября 1915 г. Первая часть интервью включает обширные выдержки из статьи Мережковского «Железо под молотом», напечатанной в газете «Биржевые ведомости» 11/24 сентября 1915 г. Об этом пишет сама журналистка: «Г-н Мережковский опубликовал несколько дней назад статью, которую я решила положить в основу интервью». Два абзаца переведены с русского с минимальными изменениями, а потому в обратном переводе с французского я использовал текст Мережковского.

Интервью вышло в еженедельнике “*La Renaissance Politique*”, более либеральном, чем “*Le Petit journal*” и “*Revue des Deux Mondes*”. Маркович постоянно печаталась в нем с момента основания еженедельника в 1913 г. Главный редактор, искусствовед Анри Лапоз, в 1909 г. дал ей рекомендацию для вступления во французское Общество литераторов. В 1896 г. Лапоз приезжал в Россию и посетил Л. Толстого в Ясной поляне⁹. В 1913–1915 гг. Маркович опубликовала в еженедельнике 11 статей, в том числе, как уже говорилось, о встрече с Сельмой Лагерлёф¹⁰. Однако, в отличие от других публикаций, интервью с Мережковским вышло с большим опозданием, лишь 22 января 1916 г. В тексте ясно виден прямой диалог писателя и журналистки с цензурой.

⁹ *Lapauze H.* De Paris au Volga : le couronnement de Nicolas II, une visite à Léon Tolstoï, les foires de Nijni-Novgorod. Paris ; New-York : A. Lemerre, 1896.

¹⁰ М. Маркович также печатала статьи о России в 1916–1917 гг. в иллюстрированном журнале “*Lecture pour tous*” («Чтение для всех»)

L'Allemagne et la paix jugées par un écrivain russe Ce que dit M. Dimitri Merejkowski¹¹

M. Dimitri Mérejkowski, l'auteur de *La Mort des dieux*, de *La Résurrection des dieux*, et d'autres belles œuvres d'inspiration nationale que nous avons le tort de moins bien connaître, habite, quand il n'est pas à Paris, une tranquille maison de la Serghiewskaïa, près du jardin de la Douma. C'est là que je suis allée le voir.

Le maître me reçoit dans son cabinet de travail. Il est nuit close. Deux lampes, dont les abat-jours tamisent la clarté, donnent à cette pièce, où tant de pensées battent des ailes, un caractère de douce et presque religieuse intimité. Sur le bureau, un travail commencé que ma visite a interrompu. L'écrivain est assis sur un divan, dans l'ombre. Son visage pâle troue cette obscurité d'une belle tache de lumière : tels sont ses livres sur l'âme encore obscure pour nous du peuple russe.

Je n'ai pas de peine à placer la conversation sur le terrain qui m'intéresse. La moindre allusion aux événements y suffirait. Mais M. Mérejkowski a publié il y a quelques jours un article dont j'avais décidé de faire la base de mon interview.

— La partie la plus importante n'a pas paru, me dit l'éminent écrivain. J'avais songé à une publication intégrale dans un pays neutre : en Suède par exemple. Certains scrupules m'ont retenu. Un devoir supérieur nous impose de ne pas éclairer les Allemands sur certains côtés du notre état d'âme. Il est bien vrai que nous traversons une crise, mais il est bien plus vrai encore que l'amour de la patrie domine en nous tous les sentiments — et même les ressentiments...

— Cependant on parle de paix au Reichstag et il s'est trouvé des journaux, ainsi que certaines personnalités éminentes pour essayer d'en propager l'idée.

— La paix ? Il n'y a de possible que celle dictée par les Alliés après leur complète victoire. Toute autre serait dès le premier jour caduque.

— Et si, contre toute prévision, la victoire revenait à l'Allemagne ?

— Ce serait un tel malheur pour le monde et la civilisation qu'il faudrait aussitôt recommencer la guerre. Notez que je ne me place pas seulement à notre point de vue. La victoire allemande serait un malheur pour les Allemands eux-mêmes. Leur salut est dans la défaite. L'Allemagne n'est plus l'Allemagne, mais une nation enivrée d'avoir bu jusqu'à la lie la coupe de l'orgueil. Nous connaissons les Allemands comme des

¹¹ La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1916, 22 janvier (4e année, n° 2). P. 16–17.

gens sensés : cette guerre nous a appris qu'une autre Allemagne dont nous ignorions l'existence est née. Ou plutôt la vieille Allemagne des poètes, des philosophes, des musiciens, des érudits a été étouffée par une autre, à figure non pas humaine, mais comparable à ce qui se passe en un homme quand il devient fou — ou, comme on disait jadis, quand il est *possédé*. L'humanité lutte avec un peuple fou, avec un peuple « possédé ».

Tandis que M. Mérejkowski parle je ne le quitte pas des yeux. La belle clarté que son visage répandait dans l'ombre est devenu de la splendeur, sa voix, aux inflexions douces, au timbre prenant et qu'il n'élève jamais, a pris un accent d'autorité inattendue. On devine qu'il va prononcer un jugement sans appel.

— La folie de l'Allemagne, reprend-il, est la plus ancienne de toutes. C'est la folie babylonienne, médique, persane, grecque, romaine..., c'est la folie d'un peuple qui prétend régner sur l'univers, se substituer à tous les autres peuples, en un mot devenir l'Humanité. Cela étant posé on peut dire que l'Allemagne est en guerre non pas avec tel ou tel peuple, mais avec tout l'univers, avec toute l'Humanité. Les Allemands l'ont compris, car cela ressort de leur métaphysique même. Ils savent aussi que la lutte entreprise n'a pas pour fin la *victoire*, mais la *vie*. Vivre ou mourir ! voilà le dilemme pour l'Allemagne et pour l'Humanité. C'est le « *To be or not to be* » d'Hamlet posé dans sa signification la plus tragique. À ce dilemme, les Allemands ont répondu : « Que l'Allemagne vive, que l'Allemagne soit l'Humanité ! » Supposons un instant que nous nous trompons, que la fin digne de l'histoire du monde soit la caserne prussienne, même sous la forme d'une république sociale-démocrate... L'humanité ne peut accepter une telle fin et, si elle ne peut se sauver autrement, qu'elle périsse, qu'elle s'anéantisse, car il ne serait plus la peine de vivre sur une terre ainsi souillée !...

La porte venait de s'ouvrir, livrant passage à une apparition souriante et blonde, vivant contraste à cette péroration tragique. J'y voulus voir un heureux présage.

Celle qui venait d'entrer ainsi, c'était Mme Hippus, dont les œuvres, comme celles du maître, sont empreintes d'un si grand souffle de libéralisme et d'art.

— Je n'ai aucune haine contre les Allemands, reprit M. Mérejkowski après m'avoir présenté sa compagne de labeur, je les plains, car l'âme en eux semble morte. Cependant il faut espérer que cette âme se réveillera. Alors malheur à ceux qui ont déchaîné sur l'Allemagne et sur le monde d'aussi effroyables calamités !

Nous parlions de la possibilité de la victoire allemande. Je n'y crois pas. Non pas seulement par conviction patriotique — ce qui est noble

mais un peu naïf — mais par déduction. L'Allemagne est un peuple ailé, une puissance aérienne, un zeppelin, si vous voulez. Mais la France l'est aussi, et bien davantage encore, avec plus de force, de splendeur et de magnificence parce qu'elle a retrouvé son héroïsme et n'a pas, comme l'Allemagne perdu son idéal. Pour continuer la comparaison, mettons que la France est un aéroplane, c'est-à-dire la plus ailée de toutes les puissances. Sa culture, qui est aussi celle de l'Italie, la culture latine, lui a fait cette âme magnifique et chevaleresque qui une fois encore la sauvera...

Il y eut un instant d'émouvant silence. Après les poignantes évocations de tout à l'heure, ces paroles purifiaient l'atmosphère, nous ouvraient une échappée sur l'azur. Mon âme, débarrassée de son oppression planait aussi dans les nues.

— Oui, reprit mon hôte, avec une émotion presque religieuse, la victoire restera à la France, parce que c'est vraiment pour elle l'heure de la renaissance, et parce qu'elle a recouvré sa spiritualité que l'Allemagne a perdue... Pour nous, Slaves, nous sommes un peuple terrestre, à côté de vous, peuples aériens. Notre symbole n'est pas l'aéronef, mais le char primitif, solidement appuyé sur la terre, quelquefois même un peu enlisé dans la boue. Nous sommes un peuple dont l'idéal n'a pas encore eu le temps d'éclorre ; mais parce que nous avons gardé la bonne simplicité des nations primitives, la naïveté, la sainteté, l'obéissance, nous sommes une force. C'est aussi ce contraste avec la nation française qui fait la valeur de notre alliance. Vous êtes à l'extrémité de la civilisation, et nous au commencement. Il est bon que nous nous donnions la main...

Et, tout à coup :

— Est-ce la première fois que vous venez en Russie ?

— Oui, si j'en excepte un voyage de tourisme fait au Caucase.

— Y êtes-vous pour longtemps ?

— J'y voudrais passer l'hiver. Il ne me plaît pas de repartir avec une connaissance superficielle du peuple russe. Or, jamais l'occasion de l'étudier ne sera plus favorable qu'à cette heure où les cruelles nécessités de la défense ont amplifié ses qualités et ses défauts jusqu'à les rendre visibles à l'observateur le moins attentif, je me suis trouvée en contact avec l'armée, non une armée composée de recrues anciennes à laquelle la discipline a déjà imposé un pli uniforme, mais avec les jeunes gens venus de tous les points de l'empire et qui ont encore toute leur fraîcheur d'âme, toute leur sincérité d'expression. J'y ai pris un profond, un sincère amour du peuplé russe. Aussi je voudrais pénétrer maintenant, jusqu'à la moelle de sa moelle, si j'ose dire.

M. Mérejkowski sourit :

— Cela est difficile, mais nécessaire, et je suis heureux de trouver une Française dans ces dispositions.

— Il me semble, dis-je, que la Russie va jouer un si grand rôle dans le développement de l'Europe future.

— Certes ! Et vous n'imaginez pas quels fruits magnifiques pourraient résulter de l'union intime du peuple russe avec la France. Mais il faut *savoir* et en France *on ne sait pas* ; *on ne nous connaît pas*. Ne vous laissez pas de le dire et de nous faire connaître, si vous le pouvez. Au point de vue politique, il est maintenant avéré que des fautes ont été commises dans les Balkans. Prenons bien garde qu'il n'y en ait pas de vous à nous. Elles seraient involontaires, j'en suis sûr, mais *c'est déjà un grand tort que de ne pas savoir*.

Un grand mouvement d'idées s'accomplit en Russie, une évolution se fait dans les âmes ; prenez garde d'en être les témoins inattentifs. La guerre passera ; il faut que l'alliance reste.

Quel que soit le résultat de cette guerre au point de vue des armes, elle marquera une date mémorable pour l'avenir de la Russie.

Une révolution pacifique est en train de s'accomplir et bien qu'on ne la voie pas elle a déjà commencé ! Mais nous voulions que cette révolution soit celle de l'ordre. Bien mieux : nous serons heureux qu'elle s'accomplisse *par en haut*.

Je ne puis m'expliquer davantage. La France a toujours passé pour le pays des explications subtiles, des ententes à demi-mot : Vous êtes Française, vous me comprendrez !

Ainsi parla M. Dimitri Mérejkowski. Qu'ajouterais-je à ces paroles que le lecteur n'ait déjà compris ?

Marylle Markovitch (Mme Amélie de Néry).

[Перевод:]

Германия и мир:

суждения русского писателя

Вот что говорит г-н Дмитрий Мережковский

Г-н Дмитрий Мережковский, автор «Смерти богов», «Воскресших богов» и других прекрасных произведений, исполненных национального духа, которые мы, к сожалению, знаем хуже, живет, когда он не в Париже, в тихом доме на Сергиевской улице, неподалеку от сада Думы¹². Там я и посетила его.

¹² С 1912 г. Д. Мережковский, З. Гиппиус и Д. Философов жили в Петербурге в квартире 17 в доме 83 по Сергиевской улице (ныне улица Чайковского). Окна выходили на Таврический двор, где заседала Государственная Дума

Мэтр принимает меня в своем рабочем кабинете. Уже наступила ночь. Две лампы, чей свет приглушен абажурами, создают в комнате, где роится столько дум, атмосферу нежной и почти религиозной близости. На письменном столе работа, прерванная моим посещением. Писатель сидит на диване, в тени. Бледное лицо его пробивается из мрака ярким световым пятном: таковы его книги о душе русского народа, еще темной для нас.

Мне было несложно завести беседу на интересующую меня тему. Хватило бы малейшего намека на текущие события. Но несколько дней назад г-н Мережковский опубликовал статью, которую я решила положить в основу интервью.

— Самая важная часть была опущена, — говорит мне знаменитый писатель. — Я думал напечатать полностью в нейтральной стране, например в Швеции. Но угрызения совести удержали меня. Высший долг велит нам не раскрывать перед немцами все стороны нашей души. Правда, что мы переживаем кризис, но еще бóльшая правда в том, что любовь к отечеству в нас сильнее всех прочих чувств — и даже обид...

— Однако в рейхстаге говорят о мире, и нашлись газеты, а также некоторые влиятельные лица, которые пытаются пропагандировать эту идею.

— Мир? Возможен лишь такой, который продиктуют союзники после полной победы. Любой другой тотчас рухнет.

— А если, против всех ожиданий, победу одержит Германия?

— Это будет такое несчастье для всего мира, для цивилизации, что придется тотчас начать новую войну. Заметьте, я говорю не только с нашей точки зрения. Победа станет бедой для самих немцев. Их спасение в поражении. Германия — уже не Германия, а опьяненная нация, до дна испившая чашу гордыни. Мы знали немцев как разумных людей: война открыла нам, что родилась новая Германия, о существовании которой мы не подозревали. Или, вернее, что старую Германию поэтов, философов, музыкантов, ученых задушила новая, с лицом не человеческим, но сходным с тем, что происходит в человеке, когда он сходит с ума — или, как говорили некогда, «беснуется»¹³. Человечество борется с сумасшедшим «бесноватым» народом.

¹³ В этом и следующем абзацах М. Маркович переводит статью Мережковского «Железо под молотом». Во фразе пропущена логическая связка. У Мережковского сказано: «с лицом в самом деле не человеческим и даже не зверским, а дьявольским. Не одичание, не озверение происходит там, а нечто более страшное, чему нет имени на языке человеческом, но что можно сравнить с тем, что происходит в человеке,

Когда г-н Мережковский говорит, я не свожу с него глаз. Ясный свет, который его лицо излучало в тени, превратился в сияние; его голос с мягкими интонациями и чарующим тембром, которой он никогда не повышает, приобрел неожиданную властность. Чувствуется, что он вынесет окончательный приговор.

— Германское безумие, — продолжает он, — самое древнее из всех. Это безумие вавилонское, мидийское, персидское, эллинское, римское..., это безумие «мирового владычества», воля народа заменить все прочие, одним словом, быть Человечеством. Установив это, можно сказать, что Германия воюет не с тем или другим народом, но со всем миром, со всем Человечеством. Немцы это поняли, ибо это правильный вывод из сути их метафизики. Знают они и то, что борьба идет уже не за *победу*, а за *существование*. Жить или умереть! вот как поставлен вопрос перед Германией и перед Человечеством. Это “*To be or not to be*” Гамлета в его самом трагическом смысле. На этот вопрос немцы ответили: «Быть Германии; Германия да будет человечеством!» Но пусть мы ошибаемся; пусть достойный конец всемирной истории — прусская казарма, хотя бы в виде социал-демократической республики... Человечество не примет такого конца, и если нельзя иначе спастись, то лучше погибнет, уничтожит себя, ибо не стоит жить на такой земле опоганенной!

Дверь распахнулась, отворив проход белокурому улыбающемуся видению, живому контрасту трагической рацеи. Мне захотелось увидеть в этом доброе предзнаменование.

Это вошла г-жа Гиппиус, чьи творения, так же как сочинения мэтра, пронизаны столь сильным духом либерализма и искусства.

— Во мне нет никакой ненависти к немцам, — продолжил г-н Мережковский, представив мне спутницу трудов своих, — я жалею их, ибо душа их кажется мертвой. Однако будем надеяться, что душа их пробудится. И тогда горе тем, кто вверг Германию и мир в пучину столь страшных бед!

Мы говорили о возможности победы Германии. Я в нее не верю. Не только из патриотических убеждений — благородных, но несколько наивных, — а исходя из логики. Германия — крылатый народ, воздушная держава, цеппелин, если хотите. Но и Франция крылата, и еще пуще, с большей силой, блеском и щедростью, ибо она обрела свой героизм и не утратила, как Германия, свой идеал.

когда он сходит с ума» (*Мережковский Д.С.* От войны к революции. Дневник 1914–1917. Пг., 1917. С. 193).

Чтобы продолжить сравнение, скажем, что Франция — аэроплан, то есть самая крылатая из всех держав. Ее культура, так же как культура Италии, культура латинская, породила эту великолепную и рыцарственную душу, которая снова спасет ее...

Наступила минута волнующего молчания. После недавних тяжких откровений эти слова очистили атмосферу, открыли лазейку в лазурь. Моя душа, сбросив тяжесть, парила в небесах.

— Да, — продолжил хозяин дома с почти религиозным чувством, — победа будет за Францией, ибо воистину пробил час ее возрождения, и она обрела духовность, которую Германия утратила... А мы, славяне, — земной народ, в сравнении с вами, воздушными народами. Наш символ — не летательный аппарат, а примитивная повозка, крепко стоящая на земле, даже подчас увязаящая в грязи. Мы народ, чей идеал еще не успел расцвести, но именно потому, что мы сохранили отменную простоту первобытных наций, наивность, набожность, послушность, мы — сила. И в этом контрасте с французской нацией ценность нашего союза. Вы в конце развития цивилизации, а мы в начале. И мы должны подать друг другу руку...

И вдруг:

— Вы впервые приехали в Россию?

— Да, если не считать туристического путешествия по Кавказу.

— Вы надолго?

— Я хотела бы провести зиму. Мне не хочется уезжать с поверхностным знанием русского народа. А никогда более не представится лучший случай узнать его, чем сейчас, когда жестокая необходимость защищаться обнажила его достоинства и недостатки до такой степени, что их замечает самый невнимательный наблюдатель. Я увидела русскую армию, не прежнюю армию рекрутов, на которых наложила отпечаток дисциплина, а молодых людей со всех концов империи, сохранивших душевную свежесть, искренность чувств. Я глубоко и искренне полюбила русский народ. Я хочу постичь его до мозга костей, если можно так выразиться.

Г-н Мережковский улыбнулся:

— Это трудно, но необходимо, и я рад, что француженка стремится к этому.

— Мне кажется, что Россия сыграет очень важную роль в будущем развитии Европы.

— Безусловно! И вы не представляете, сколь чудесные плоды может принести тесный союз русского народа с Францией. Но надо *знать*, а во Франции не *знают*, не *знают нас*. Твердите об этом без усталости, рассказывайте о нас, если можете. Сейчас стало ясно, что на

Балканах были допущены политические ошибки. Постараемся, чтобы вы их не допустили по отношению к нам. Они будут невольными, я в этом уверен, *но не знать — уже серьезный промах.*

В России идет великое брожение умов, духовная эволюция; постарайтесь не остаться невнимательными свидетелями. Война пройдет, союз должен сохраниться.

Чем бы она ни закончилась с военной точки зрения, она станет памятной датой для будущего России.

Сейчас совершается мирная революция, и хотя ее не видно, она уже началась! Но мы хотим, чтобы она была революцией порядка. Более того: мы будем счастливы, если она осуществится *сверху.*

Я не могу вдаваться в объяснения. Франция всегда слыла страной тонких намеков, которые понимают с полуслова: вы француженка, вы меня понимаете!

Так говорил Дмитрий Мережковский. Что могу я добавить к этим словам, которые читатель уже понял?

Марили Маркович (г-жа Амели де Нери)

Попробуем понять, что постарались сказать французскому читателю писатель и журналистка.

Маркович представляет Мережковского не просто как знаменитого автора, хорошо известного во Франции, постоянно живущего в ней, но как пророка. Писатель играет, журналистка подыгрывает. Описание обстановки подчеркнуто театрально: лицо писателя излучает сияние, голос — власть. Мережковский рассуждает, судит и выносит приговор Германии. В заключительных словах «Так говорил...» слышится отсылка к «Так говорил Заратустра», хотя справедливости ради отметим, что Маркович частенько использует эту формулу в газетных статьях. К Ницше отсылают упоминания романов «Смерть богов», «Воскресшие боги». Из-за напыщенного мистического стиля («Моя душа... парила в небесах», «почти религиозная близость», «с почти религиозным чувством») результат получается почти пародийный, как в статьях литературных недругов Мережковского (Розанов В.В. Потуги на пророчество; 1909).

Первая половина интервью (до прихода Зинаиды Гиппиус) преподносится как вдохновенная речь. Как уже было сказано, это перевод статьи «Железо под молотом», но интервью изменяет ее смысл.

В эти годы Мережковский и Гиппиус настроены против войны.

Когда ночью проснешься и вдруг вспомнишь: «война!» — в душе подымается ужас. Можно ли воевать, чем оправдать войну,

какой смысл в войне, — как бы мы ни отвечали на эти вопросы, ужас остается ужасом. (Мережковский Д. Война и религия; 1914)¹⁴

Однако речь не идет о пораженчестве. Гиппиус записывает в дневнике в августе 1914 г.:

Когда очередь дошла до меня, я сказала очень осторожно, что войну по существу, как таковую, отрицаю, что всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим, над другой страной, носит в себе зародыши новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление, а каждая война отдаляет нас от того, к чему мы идем, от «вселенскости». Но что, конечно, учитывая реальность войны, я желаю сейчас победы союзников.

Керенский, который стоял направо, рядом со мною и говорил тотчас после меня, подхватил эту «вселенскость» (упорно говоря «вселенность!») и, с обычной нервностью своей, сказал приблизительно то же и так же кончил «за союзников»¹⁵.

В статьях 1914–1915 гг. Мережковский выступает против «пангерманизма» и «панславизма»:

В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в «зоологический патриотизм». (О религиозной лжи национализма; 1914)¹⁶

«Панславизм» Достоевского так же, как всех русских славянофилов, — «пангерманизм», перелицованный, переведенный на русский язык. (Распятый народ; 1915)¹⁷

В интервью с первых строк заявляется, что «любовь к отечеству в нас сильнее всех прочих чувств», и говорится о необходимости войны до полного разгрома Германии, ибо иначе мир не может быть установлен. Разумеется, главная цель Маркович — уверить французского читателя, что Россия — верный и надежный союзник. В статье «Железо под молотом» сказано несколько иное: «Будем же воевать до конца и помнить, что в этой войне победит не любовь к отечеству, к своему народу, а только любовь ко всем народам, ко всему человечеству»¹⁸.

¹⁴ Мережковский Д.С. От войны к революции. С. 175.

¹⁵ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 10–11.

¹⁶ Мережковский Д.С. От войны к революции. С. 131.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 195.

В статье «О религиозной лжи национализма» Мережковский вскользь упомянул, что «связь Канта с Крупном сомнительна»¹⁹, вступив в полемику с речью В.Ф. Эрн «От Канта к Крупну», произнесенной в октябре 1914 г. (Русская мысль. 1914. № 12)²⁰. Эрн утверждал, что «Германское безумие проходит формы научные, методологические, философские и, наконец, срывается в милитаристическом буйстве»²¹. В интервью и в статье «Железо под молотом» удар направлен только против немецких претензий на мировое господство, и выводятся они из обезумевшей немецкой метафизики. Мережковский использует в статье образ «сумасшедший Кант», т.е. обезумевший разум. Дважды немцы называются бесноватыми, но, в отличие от статьи, не утверждается, что их обуял зверь — Антихрист. В интервью мистика уходит в антураж, а идея «вселенскости», столь важная для Мережковских, исчезает.

Подлинное интервью начинается только во второй части, после прихода Гиппиус. В разговоре она участия не принимает и мелькает как «виденье» Но представляя ее, журналистка произносит важное слово: «либерализм».

Мережковский переходит к новой теме. Он говорит о «мертвой душе» немцев, которая может пробудиться (гоголевская метафора), но, напомним, его самого как ходячего покойника изобразил Иванов-Разумник в статье «Мертвое мастерство» (1911). А затем писатель развивает противопоставление людей земли и воздуха, России и Запада. От Античности до XX в. тема полета связана со свободой, бунтом и творчеством, со странствиями души, не без примеси дьявольщины (от искушения Христа в пустыне, от Симона Волхва до Фауста и Воланда)²². От Горького до Блока, Иванова-Разумника²³, Мандельштама, Булгакова, Пастернака — все на стороне крылатых.

Мережковский видит себя и Россию в образе древних титанов, сынов Геи, первых богов, низринутых в Тартар: «Обуглены крылья, /

¹⁹ Там же. С. 123.

²⁰ Грузинский символист Григол Робакидзе тотчас оспорил ее в статье «Кант и Крупн» (1914).

²¹ Эрн В.Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 33.

²² Я касался истории воздухоплавания XVIII в. и ее мистической трактовки в статье: *Строев А.* Летающий философ (Жан-Жак Руссо глазами Гримма) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 132–145. См. обстоятельный анализ этой темы в кн.: *Darnton R.* Mesmerism and the End of Enlightenment in France. Cambridge; London, 1968.

²³ «Всемирность русской революции — вот что пророчески предвидят народные поэты распинаемой правды <...> Борьба бескрылых с крылатыми — история Мира, история человечества, история революции», — пишет Иванов-Разумник в ноябре 1917 г. (Две России // Скифы. Сб. 2. 1918. С. 224, 231), отправляя Мережковского к могильным червям революции (Там же. С. 228).

И ног змеевидных / Раздавлены кольца» (стихотворение «Титаны», 1894)²⁴, а затем в виде «крылатого мужика», не сумевшего взлететь, символа страны, зарытой в землю, погребенной заживо, в отличие от Европы, следующей путем героя Мережковского Леонардо да Винчи («Воскресшие боги», 1900–1901), inferнального строителя летательных аппаратов (статья «Земля во рту», 1909). В этой статье писатель вспоминает, как в том же году около Берлина он «увидел впервые человеческие крылья, серебристо-серые на темно-лиловом, вечерющем небе, и лицо человека, как лицо Бога, сквозь вертящееся, паутинное солнце пропеллера»²⁵. Д. Философов восторженно описывает эту сцену в письме к Блоку от 2 (15) октября 1909, 3. Гиппиус — в стихотворении «Zeppelin III» (1909: «То серо-блещущий летун / Жужжит над старой колокольной <...> Нет, мы не здесь, в юдоли дольней, / Мы с ним, летим, к завесе туч!)), а Мережковский, иронически, — в незавершенной пьесе без названия (1910).

В интервью Маркович писатель символически сажает на землю гоголевскую птицу-тройку Русь²⁶. Повозка увязает в грязи, как уже было сказано в статье «Земля во рту»: «за мгновенным полетом — стремительное падение в грязь»²⁷. Не стихийные духи (гномы, светлые и темные эльфы) олицетворяют земные и воздушные народы, а машины, орудия войны, самолеты и дирижабли. Немецкие цеппелины бомбят Париж, а 8 сентября 1915 г. Лондон. Максимилиан Волошин пишет стихи «Цеппелины над Парижем» (18 апреля 1915 г.), а Мережковский — статью «Убийца лебедей» (1914): «Цеппелин, кидающий бомбы в Национальную библиотеку, пулемет, громящий Венеру Милосскую, двадцатидюймовая гаубица, разрушающая Реймский собор...»²⁸

В ответ на возвышенные речи журналистка как истинная француженка возносится: «Моя душа, сбросив тяжесть, парила в небесах».

А далее Мережковский, в пересказе Маркович, прикладывает к России образ доброго дикаря. Его последовательно использовали французские просветители (Руссо, Вольтер, Дидро), а затем французские романтики, русские писатели и политики. Тирада Мережковского вполне соответствует двум составляющим уваровской триады (народность и православие). Он практически повторяет слова

²⁴ Символисты Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, К. Бальмонт, Г. Робакидзе и др. последовательно разрабатывают миф о летучем змее (драконе) и змееборце.

²⁵ Мережковский Д.С. Большая Россия. СПб., 1910. С. 252.

²⁶ М. Вайскопф видит в ней платоновскую колесницу души (*Вайскопф М.* Птица-тройка и колесница души. М., 2003).

²⁷ Мережковский Д.С. Большая Россия. С. 261.

²⁸ Мережковский Д.С. От войны к революции. С. 168.

Д. Фонвизина из «Писем из Франции» (1778): “Nous commençons et ils finissent” («Мы в начале, а они в конце»). Г-жа де Сталь, убежав в 1812 г. от Наполеона в Россию, видела спасение в том, что русские под налетом цивилизации сохранили первобытную силу («Десять лет в изгнании», 1811–1812, опублик. 1820)²⁹. Напомним, что именно в конце XVIII — начале XIX в. французская пропаганда активно использует миф об угрозе нашествия северных варваров, столь важный для русских «скифов» начала XX в.

После кратких расспросов Мережковский переходит к ситуации в стране после того, как 3 (16) сентября 1915 г. царь распустил Государственную думу. Русские войска отступают, оставляют Польшу, внутриполитическая обстановка накалилась. В статье «Железо под молотом» писатель утверждает: «сейчас две России, две войны, два врага»; «Только свободная Россия победит; только победившая будет свободна»³⁰.

Дневниковые записи Гиппиус позволяют уяснить, как именно видит Мережковский связь между войной и революцией. 3 (16) сентября 1915 г. она пишет, что для того, чтобы «отстоять Россию от немцев», нужна «немедленная и коренная перемена политического строя»³¹. Она постоянно обсуждает с Керенским, с которым в эти годы сблизилась Мережковские, как избежать анархии, неорганизованной революции, бессмысленного восстания. Для этого нужна перемена правительства. Об этой «мирной революции», «революции порядка», которую могла бы осуществить Дума или, сверху, царь, и говорит писатель.

Маркович вспомнит о Мережковском в марте 1916 г., беседея с М.М. Ковалевским, лидером прогрессистов, о думской политике и новом правительстве, назначенном в феврале. Ковалевский утверждает, что Германия, начав войну, рассчитывала спровоцировать революцию в России, а началась ускоренная эволюция, которая, возможно, приведет к усилению парламентаризма. «Эти слова напомнили мне мое интервью с г-ном Дмитрием Мережковским: “Происходит духовная эволюция, — сказал мне знаменитый писатель, — постарайтесь не остаться свидетелями”» («Политическая эволюция России и война. Последняя беседа Максима Ковалевского»³²).

²⁹ О русской государственной идеологии и влиянии г-жи де Сталь на С.С. Уварова см. книгу А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла» (М., 2001).

³⁰ Мережковский Д.С. От войны к революции. С. 192.

³¹ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. С. 34.

³² Markovitch M. L'évolution politique de la Russie et la guerre. Dernière conversation de Maxime Kovalesky // La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1916, 13 mai (4e année, n° 10). P. 8–9.

Однако летом 1915 г. сразу после приезда в Россию Маркович выслушала гораздо более радикальные мнения:

«Никогда положение народа не было столь трагично, — сказала мне русская журналистка, — мы стоим перед жестокой альтернативой, проиграть войну или совершить революцию. Но никто из нас сейчас не осмеливается совершить столь нужную революцию. Встретьтесь с г-ном Керенским, он вам объяснит, в каком положении мы находимся». На другой день я отправилась к лидеру партии трудовиков. Это было накануне созыва Думы (июль 1915 г.)

— Примерно год назад, в начале войны, — сказал мне г-н Керенский, — моя партия настаивала на том, чтобы думская сессия не была эфемерным парадным спектаклем, а была посвящена длительной законодательной работе и контролю за деятельностью правительства. <...>

Наша страна задыхается под гнетом реакции, лжи и развала экономики. Только Дума может спасти наш народ, нашу армию. Только Дума может пойти навстречу великим творческим силам нашего народа и создать в стране здоровую власть, административный аппарат, способный руководить ей честно и разумно, защищая национальные интересы. Любой ценой надо воссоздать условия, в которых энтузиазм может возродиться: даровать амнистию, освободить прессу от гражданской цензуры, способствовать возрождению рабочих организаций, создать необходимые условия для возвращения общественной активности, обновить конституцию Финляндии, освободить Польшу, дать евреям равенство в правах, отменить ограничения, от которых страдают другие национальности.

Наконец, у Думы есть еще одна задача: сказать стране правду («У г-на Керенского. Давнее интервью, которое объясняет нынешнюю ситуацию»³³).

Как мы знаем, Маркович смогла напечатать это интервью только в мае 1917 г. Несмотря на то, что в беседе с писателем журналистка выглядит патетичной и наивной, она сумела, несмотря на цензурные препоны, донести до французского читателя позицию русской либеральной интеллигенции.

³³ *Markovitch M.* Chez M. Kerensky. Une interview ancienne qui explique la révolution actuelle // *Le Petit Journal*. 1917, 24 mai. P. 1.

Литература

Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.

Строев А. Летящий философ (Жан-Жак Руссо глазами Гримма) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 132–145.

Darnton R. *Mesmerism and the End of Enlightenment in France.* Cambridge; London: Harvard UP, 1968. 218 p.

References

Darnton R. *Mesmerism and the End of Enlightenment in France.* Cambridge, London, Harvard UP, 1968. 218 p. (In English.)

Stroev A. Letaiushchii filosof (Zhan-Zhak Russo glazami Grimm) [Flying philosopher (Jean-Jacques Rousseau as seen by Grimm)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 48, pp. 132–145. (In Russ.)

Vaiskopf M. *Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi* [Winged troika and chariot of the soul]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 576 p. (In Russ.)

“Germany and World”: Dmitry Merezhkovsky interviewed by the French journalist Marylie Markovitch

© 2020, Alexander Stroev

Abstract: The article is dedicated to the interview which Marylie Markovitch (1866–1926, born Amelie Neri), the French journalist and writer of the feminist trend, had with Dmitry Merezhkovsky. The meeting took place in the fall of 1915 during Markovitch’s stay in Russia as a special correspondent for “Le Petit journal” and “Revue des Deux Mondes”, however, unlike other Markovitch’s publications, the interview with Merezhkovsky was published behind time, on January 22, 1916. The author notes that both the writer and the journalist address directly to censorship, with Markovitch managing, however, to convey the position of the Russian liberal intelligentsia to the French reader. According to the author of the article, Markovitch represents Merezhkovsky not only as a famous author, well known in France, but as a prophet, quoting his article “Iron under the Hammer” in the first part of the interview. The original French text of the interview, accompanied with the Russian translation, is fully reproduced in the article. The publisher’s attention is focused on an attempt to reconstruct the subtext of the interview, which is profoundly affected by Markovitch and Merezhkovsky’s conscious striving for a theatricalized dialogue.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Marylie Markovitch, liberal intelligentsia, pan-Germanism, pan-Slavism, World War I.

Information about the author: Alexander Stroev, Doctor Hab, Professor, University of Sorbonne Nouvelle Paris 3, Paris, France. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Citation: Stroev Alexander. “Germany and World”: Dmitry Merezhkovsky interviewed by the French journalist Marylie Markovitch. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 175–192. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192